

ВАЛЕНТИНА КОЛОДИНСКАЯ

БЕЛАЯ КОСА

ВАЛЕНТИНА КОЛОДИНСКАЯ
БЕЛАЯ КОСА

«Автор»

2026

КОЛОДИНСКАЯ В.

БЕЛАЯ КОСА / В. КОЛОДИНСКАЯ — «Автор», 2026

В тот год осень пришла рано. Берёзы роняли листву в стылую воду, а лес наполнился шёпотом духов. Мирослава ждала жениха с рати — ждала так, что готова была молиться кому угодно. Макошь услышала. Вышеслав вернулся. Только пахнет от него не дорогой, а болотной тиной. Только смотрит не с любовью, а как из глубины омута. Только по ночам Мира просыпается с чужой улыбкой на губах. В деревне беспокойно. Волхвы хмурятся. А седина уже тронула косу. Но Мирослава не хочет ничего замечать. Он же рядом. Значит, всё хорошо. Славянское фэнтези о том, зачем богам жертвы и что остаётся, когда любовь сильнее страха.

© КОЛОДИНСКАЯ В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Первая глава: Сухие губы рати	5
Глава 2: Глухая трава	6
Глава 3: Возвращение	8
Глава 4: Купальский огонь	10
Глава 5: Молчаливое сердце	12
Глава 6: Камни и вороны	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

ВАЛЕНТИНА КОЛОДИНСКАЯ

БЕЛАЯ КОСА

Первая глава: Сухие губы рати

Воздух в тот день был сухим и звонким, как тетива лука.

Мирослава стояла на околице, вцепившись пальцами в шершавый столб, и смотрела, как пыль оседает за уходящими на рать мужиками. В спину Вышеслава, её суженого, билось полу-денное солнце, делая его фигуру чёрной, как вырезанный из бересты силуэт.

Он обернулся только раз. Улыбнулся той самой улыбкой, от которой у Миры всегда под ложечкой сосало сладко и тревожно. Помахал рукой.

Мирослава разжала кулак. На вспотевшей ладони лежал засушенный цветок папоротника – глупая девичья примета, чтобы помнил да возвращался. Она хотела кинуть ему, но ветер дул в её сторону, и сухой стебелек упал прямо в пыль у её ног.

– Вернись, – одними губами шепнула Мира. – Ты слышишь? Вернись.

Он не слышал. Он уже скрылся за поворотом, где дорога ныряла в сосновый лес, пахнувший смолой и скорой бедой.

В ту ночь ей приснился странный сон.

Вышеслав шёл по воде. Не по реке, а по чему-то чёрному и бездонному, как старый колодец. Вода доходила ему до колен, но одежда оставалась сухой. Он не оглядывался, а Мира бежала за ним по берегу, хваталась за ветки ольхи, кричала, а голоса не было.

– Куда ты? – хотела спросить она, но проснулась от собственного хрипа.

В горле пересохло, будто она сама шла по той мёртвой воде. За окном ухал филин, и этот звук отдавался в груди тяжелыми, медленными ударами.

Мирослава встала, налила ковш воды, но пить не стала. Подошла к окну. Месяц висел над лесом острый, как наконечник стрелы.

«Живой, – подумала она, вглядываясь в темень. – Чую – живой».

Она не знала тогда, что в этот самый миг душа Вышеслава, вырванная из тела вражеской стрелой, уже ищет дорогу домой. Ищет ту, что открыла ему дверь своим отчаянием.

Глава 2: Глухая трава

Месяц сменил свою острую грань на круглый бок, потом снова похудел, а вестей всё не было.

Мирослава просыпалась затемно, когда роса ещё тяжело лежала на траве, и принималась за работу. Лён трепать, грядки полоть, хлебы ставить – руки делали своё, а мысли текли где-то далеко, по той самой дороге, что уводила в лес.

Мать поглядывала на неё с тревогой.

– Ты бы к девкам пошла, на посиделки. Чего одна-то?

– Успею ещё насидеться, – отвечала Мира и уходила в лес за травами.

Лес встречал её тишиной. Не той звонкой, предгрозовой, а глухой, ватной, будто сосны затаили дыхание. Мира знала здесь каждую тропку, каждый муравейник, каждую нору, где лисица вывела лисят. Но в этом году лес словно отгораживался от неё. Птицы замолкали, когда она проходила, а зверьё не попадалось вовсе.

Однажды она набрела на поляну, где раньше всегда росла зверобой-трава. Вся поляна была усыпана жёлтыми цветами, но стоило Мира сделать шаг, как цветы под её ногой... почернели. Прямо на глазах лепестки свернулись, стебли поникли, будто их огнём опалило.

Мирослава отдёрнула ногу и на всякий случай осенила себя знаком Перуна, хоть и не знала, поможет ли он – деды по-другому молились.

– Наваждение, – сказала она вслух, и голос прозвучал сипло, чуждо.

Она отошла подальше, набрала трав в другом месте, но на душе остался холодок.

Дома мать встретила её новостью: с рати пришёл обоз с ранеными. Мира уронила травы, подхватила подол и побежала к околице, туда, где прошлым летом они с Вышеславом целовались в стogu.

Телеги тянулись медленно. Мужики лежали на соломе, перемотанные грязными тряпками, стонали, пили воду из ковшей. Мира вглядывалась в каждое лицо, но Вышеслава не было.

– Дядька Радован! – окликнула она одного из возниц.

Тот обернулся. Глаза у него были красные, не то от пыли, не то от слёз.

– Мирка... – Радован спрыгнул с телеги, подошёл, мял в руках шапку. – Ты это... Не жди пока.

Она похолодела.

– Что значит «не жди»? Где он?

– Не видели мы его. После той сечи, первой, многих не досчитались. Поди, в братской могиле где-то... – Радован отвёл взгляд.

– Ты врешь! – Мира шагнула к нему, вцепилась в рубаху. – Ты врешь, пёс! Он живой!

Радован только головой покачал и пошёл к телегам.

Мирослава стояла посреди дороги, и люди обходили её, как дерево. Внутри разрасталась пустота. Холодная, чёрная, та самая, что ей снилась.

Ночью она не пошла в избу. Схватила старый материн платок, узелок с сухарями да тот самый засушенный цветок папоротника, что так и лежал на лавке, и подалась в лес. К старому капищу, где прадеды молились.

Луна светила ярко, но сквозь ветви почти не пробивалась. Мира шла на ощупь, падала, разбила колено в кровь, но не чувствовала боли.

Капище стояло на поляне – три деревянных идола: Перун с мечом, Макошь с веретеном и Велес со змеей у ног. Мира упала на колени перед Макошью, достала цветок.

– Верни, – зашептала она, прижимая сухой стебель к груди. – Слышишь, Мать Сыра Земля? Верни его. Любой ценой верни. Жизнь свою отдам, только бы живой был.

Ветви над головой зашумели, хотя ветра не было. Луна выглянула из-за тучи, осветила поляну мертвенным светом.

Мирослава подняла глаза и замерла.

Тень от идола Перуна лежала на траве неровно, будто расплзалась. И в этой тени, у самого края поляны, стояла человеческая фигура. Тёмная, недвижимая.

Мира хотела окликнуть, но голос пропал.

Фигура шагнула вперёд – и растворилась в воздухе, не дойдя до лунного света.

Домой Мира возвращалась на рассвете. Она не помнила, как нашла дорогу. Не помнила, как переступала через коряги. Помнила только одно: когда она встала с колен, на губах был привкус чего-то горького и чужого, будто она целовала мёртвую землю.

А в кармане сарафана, среди хлебных крошек и сухих травинок, лежал почерневший, рассыпавшийся в прах цветок папоротника.

Глава 3: Возвращение

С того дня в доме Мирославы всё пошло наперекосяк.

Мать жаловалась, что молоко по утрам скисает, хотя крынка стояла в холодном погребе. Собака, всегда ласковая, при встрече с Мирой поджимала хвост и скулила. А у соседки, тётки Глафиры, за одну ночь все куры перестали нестись.

– Порча на тебе, девка! – брызгала слюной Глафира, потрясая кулаком. – Глаз у тебя недобрый!

Мирослава отмалчивалась. Ей было всё равно. Внутри поселилась та самая холодная пустота, и только по ночам, во сне, она чувствовала тепло.

Вышеслав приходил к ней каждую ночь.

Он стоял у порога, в той самой рубашке, в которой уходил, и молча смотрел. Мира тянула к нему руки, звала по имени, но он не подходил. Только улыбался краешком губ и таял, как туман.

– Не уходи, – просила она. – Остайся.

И он оставался. На мгновение дольше, ещё на мгновение. Потом научился садиться на край лавки, гладить её по волосам ледяными пальцами. Мира просыпалась и чувствовала запах – сырой земли и прелых листьев.

А потом настала та ночь.

Мирослава металась в жару, хотя в избе было прохладно. Мать поила её отварами, жгла лучину перед идолами, но жар не спадал. Девушка бредила, выкрикивала имя Вышеслава, тянула руки к пустоте.

Под утро жар отпустил. Мира открыла глаза и села на лавке. В голове было удивительно ясно, тело наполнилось лёгкостью, какой она не чувствовала с тех пор, как Вышеслав ушёл.

Мать спала тут же, на сундуке, свесив руку. Мира осторожно встала, накинула платок и вышла на крыльцо.

Рассвет только занимался. На востоке небо наливалось розовым, звёзды гасли одна за другой. Воздух был свеж и чист, пахло росой и крапивой.

И в этой тишине Мирослава услышала шаги.

Кто-то шёл по деревенской улице. Медленно, тяжело, словно ноги налиты свинцом. Мира взгляделась в утренний туман и замерла.

Из белесой пелены, как из другого мира, выходил Вышеслав.

Он был в пыльной, изодранной рубахе, босой, с чёрной грязью под ногтями. Лицо осунулось, глаза ввалились, но это был он. Живой.

– Вышеслав... – выдохнула Мира и рванула с крыльца.

Она влетела в него, обхватила за шею, прижалась всем телом. И тут же отдёрнулась.

Он был холодный.

Не просто озябший, а ледяной, будто пролежал всю ночь в погребу.

– Заждалась? – спросил Вышеслав, и голос его звучал глухо, как из бочки.

– Живой... живой... – твердила Мира, не веря своим глазам. – Как же ты? Радован говорил, что ты...

– Радован много говорит, – перебил Вышеслав и усмехнулся. Улыбка была прежней – той самой, от которой у Миры сладко замирало сердце. – Я вернулся. Рада?

– Рада... – прошептала Мира и снова прижалась к нему, стараясь не замечать холода.

Из избы выскочила мать, всплеснула руками, заголосила. Вышеслав вошёл в дом, сел за стол, попросил есть. Мать заметалась, ставя похлёбку, а Мира сидела напротив и не могла насмотреться.

Только когда он потянулся за ложкой, она заметила: на запястье, там, где у живых бьётся жилка, у Вышеслава было тёмное пятно. Похожее на гниль или старый ожог.

Он поймал её взгляд и медленно, нарочито опустил рукав.

– Дорога была долгая, – сказал он просто.

А за окном, на берёзе, заорал ворон. Орал долго, надсадно, пока мать не выскочила с поленом и не прогнала прочь.

Мира проводила птицу взглядом и вдруг заметила, что её собственная тень на стене легла не так, как должна. Она была шире, плотнее, словно Мира стояла не одна, а с кем-то за спиной.

Она обернулась – никого.

Вышеслав хлебал похлёбку, и пар от миски поднимался к потолку, не задевая его лица.

Глава 4: Купальский огонь

До Купальской ночи оставалось три дня, и деревня гудела, как растревоженный улей.

Мужики таскали хворост для костра, девки плели венки, парни точили колья, чтоб прыгать через огонь. Мирослава тоже готовилась – впервые за долгие месяцы с лёгким сердцем.

Вышеслав был рядом.

Он мало говорил о рати, отмалчивался, когда его расспрашивали, и почти не выходил из дома. Люди в деревне косились – то ли на бледность его нездоровую, то ли на то, что по ночам в окне их избы свет не гаснет. Но Мире было всё равно. Он вернулся. Живой. Пусть холодный, пусть молчаливый, пусть иногда смотрит так, что мурашки по коже – но он здесь.

В ночь на Купалу солнце село багровым шаром, и сразу от леса потянуло сыростью и тайной.

– Пойдём, – сказал Вышеслав, беря Миру за руку.

Ладонь его была прохладной, но Мира привыкла уже.

На поляне у реки полыхал костёр – выше человеческого роста. Огонь лизал небо, искры взлетали до самых звёзд, и казалось, что это не просто пламя, а жертва богам. Девушки в белых рубахах водили хоровод, парни бросали в костёр пучки крапивы – от нечисти.

Мира вплела в косу полевые цветы и чувствовала себя почти счастливой.

– Мирослава! – окликнули её подруги. – Иди с нами! Венки пускать будем!

Она отпустила руку Вышеслава и побежала к реке. Там, на тёмной воде, уже покачивались десятки венков с зажжёнными свечами. Чей венок не утонет – та замуж выйдет в этом году.

Мира присела на корточки, опустила свой венок на воду. Свеча затрепетала, но не погасла. Венок поплыл, кружась на стремнине.

– Чей утонет – та помрёт, не выйдя замуж, – шепнула рядом чья-то тень.

Мира вздрогнула и обернулась. Сзади стоял Радован. Тот самый, что привёз весть о смерти Вышеслава. Пьяный, с мутными глазами, в расстёгнутой рубахе.

– Отойди, – коротко бросила Мира.

– А что? – Радован шагнул ближе, дышал перегаром. – Жених твой объявился? Чудно, чудно... Мы ж его своими глазами...

– Заткнись, – голос Миры дрогнул.

– ...видели, как стрела вошла. Прямо сюда. – Радован ткнул себя пальцем в грудь. – Как же он воскрес-то, а? Может, не человек он вовсе?

Мира вскочила, но Радован схватил её за руку. Сжал до боли, притянул к себе.

– Пусти, пьяная рожа!

– А поглядим, какая ты на самом деле, раз с нелюдью спуталась...

Он полез целоваться, и Мира закричала.

А потом случилось то, что она не запомнила.

Был только миг – чёрный, как провал в колодец. А следом – резкая вспышка перед глазами, боль в висках и запах палёного.

Мира очнулась на земле. Над ней склонились перекошенные лица подруг. Где-то позади орал костёр, и люди кричали.

– ...жива? Глаза открой!

– Что случилось? – прошептала Мира, чувствуя во рту привкус меди.

Подруги переглянулись.

– Ты... это... Радован тебя тронул, а ты как заверещишь, а потом... потом глаза закатили и замертво упала. А он...

– Что он?

– Убежал. Прямо в лес. Бледный, как смерть. Испугался, поди, что ты помрёшь.

Мира села, ощупывая голову. Боли не было. Вообще ничего не было – только лёгкость и странное, пугающее спокойствие.

Она оглянулась в поисках Вышеслава.

Он стоял у костра, почти вплотную к огню, и смотрел на неё. Пламя освещало его лицо, и Мира вдруг заметила то, чего не видела раньше: глаза его не отражали огонь. Они были тёмные и мёртвые, как вода в старом колодце.

Он улыбнулся ей.

И Мира улыбнулась в ответ, чувствуя, как холод поднимается откуда-то изнутри, согревая её лучше всякого костра.

Глава 5: Молчаливое сердце

Утро после Купалы встретило деревню криками.

Мирослава проснулась поздно, когда солнце уже стояло высоко. В избе было тихо – мать ушла по хозяйству. Вышеслав сидел на лавке у окна и строгал ножом какую-то деревяшку.

– Доброе утро, – улыбнулась Мира, потягиваясь.

Он кивнул, не поднимая глаз.

За окном послышался топот, женские причитания, мужские голоса. Мира накинула сарафан и вышла на крыльцо.

По улице бежали люди. Все в одну сторону – к лесу.

– Что случилось? – окликнула Мира соседку.

– Ой, беда, Мирочка, беда! Радована нашли! В лесу, у старого дуба!

Мира похолодела. Вспомнился вчерашний вечер, пьяный Радован, его липкие руки... И провал. Чёрный провал в памяти.

– Что с ним? – спросила она, хотя внутри уже знала ответ.

– Мёртвый! – всхлипнула соседка и побежала дальше.

Мира хотела пойти за ней, но ноги не слушались. Она стояла, вцепившись в перила, и смотрела, как народ собирается у околицы.

– Пойдём, – раздался за спиной голос Вышеслава.

Он взял её за руку, и они пошли.

Тело Радована лежало под старым дубом, там, где деревенские мальчишки всегда играли в прятки. Грудь была разодрана, словно звериными когтями. А там, где должно быть сердце, зияла пустота.

Кто-то из баб заголосил в голос. Мужики стояли хмурые, переглядывались.

– Сердце вырезали, – глухо сказал староста. – Чисто, как ножом.

– Ведьма! – взвизгнула тётка Глафира. – Я ж говорила! Нечисть у нас завелась!

Мирослава смотрела на страшную рану и чувствовала... ничего. Совсем ничего. Ни ужаса, ни жалости, ни отвращения. Только холодное, ровное спокойствие.

Она обернулась к Вышеславу. Он стоял чуть поодаль, задумчивый, и на губах его играла едва заметная улыбка. Та самая, родная.

– Пойдём отсюда, – шепнула Мира, и они пошли прочь.

По дороге она зачем-то остановилась у ручья. Нагнулась, зачерпнула воды, чтобы умыться. Глянула в своё отражение и замерла.

Из тёмной воды на неё смотрела она сама. Но глаза... глаза были не её. Чуть прищуренные, с хитринкой, смотрели на неё из отражения глаза Вышеслава.

Мира моргнула, и видение исчезло.

Вечером мать пришла с капища – волхвы велели всем молиться, носить требы к идолам.

– И ты пойдёшь, – строго сказала она Мире. – Завтра омовение. Надень чистую рубаху.

– Хорошо, матушка, – послушно кивнула Мира.

Она подошла к старому медному рукомойнику, взгляделась в мутную воду. Присмотрелась к волосам.

У правого виска, там, где ещё вчера была русая прядь, теперь серебрилась седина.

Мира тронула её пальцем. Потом улыбнулась своему отражению.

– Красиво, – прошептала она чужим, низковатым голосом. – Очень красиво.

И сама испугалась своего шепота.

А за спиной, в темноте избы, тихо скрипнула половица. Будто кто-то прошёл, невидимый, но довольный.

Глава 6: Камни и вороны

Три дня деревня хоронила Радована. Три дня волхвы жгли костры и читали заговоры, чтобы дух убитого не вернулся с того света и не начал мстить живым.

Мирослава на похороны не пошла. Сказалась больной, лежала на лавке, укрывшись шубой, и смотрела в потолок. В голове было пусто и звонко, как в пересошем колодце. Иногда ей казалось, что она слышит чей-то смех – тихий, довольный, совсем рядом. Она поворачивала голову – никого.

Вышеслав уходил в лес на целые дни. Возвращался затемно, от него пахло сырой землёй и прелью, но Мира не спрашивала, где он был. Ей было всё равно.

На четвёртый день она проснулась от того, что в груди поселилась тягучая, ноющая пустота. Та самая, что была после его ухода на рать. Только теперь она не мучила – она звала.

– В лес пойду, – сказала Мира матери. – Трав нужных нарвать, зелье от лихорадки сварить.

– Какая лихорадка? – удивилась мать. – Лето на дворе.

– На всякий случай, – пожала плечами Мира и взяла лукошко.

Лес встретил её тишиной. Нехорошей, настороженной, будто всё живое попряталось. Даже комары не звенели над ухом, даже птицы молчали. Мира шла по тропинке, раздвигая папоротники, и вдруг поняла, что ноги сами несут её к старому дубу – тому самому, где нашли Радована.

Она остановилась, закусила губу.

– Не хочу туда, – сказала она вслух.

Но ноги пошли.

На поляне было пусто. Кровь давно смыло дождями, трава поднялась снова, зелёная, сочная, будто ничего и не случилось. Мира постояла, глядя на дуб, и вдруг заметила, что у корней что-то блестит.

Она нагнулась. В траве лежал оберег – маленький деревянный Перун, какие волхвы раздавали на капище. Весь почерневший, будто огнём опалённый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.